ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УМЕРЕТЬ ЗАВТРА

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Детектив Рой Грейс

Питер Джеймс

Умереть завтра

«Азбука»
2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Умереть завтра / П. Джеймс — «Азбука», 2009 — (Детектив Рой Грейс)

ISBN 978-5-389-35567-5

Питер Джеймс – писатель-криминалист, автор бестселлеров по версии «The New York Times», а также 21 бестселлера № 1 по версии британской «Sunday Times». В 2026 году он был награжден орденом Британской империи за заслуги в области литературы и благотворительности. Особенно успешной можно назвать серию романов о Рое Грейсе – это любимый детектив королевы Камиллы. В 2021 году на ITV стартовал британский сериал «Грейс», снятый по мотивам книг Джеймса (заявлено 6 сезонов). Когда есть спрос, найдется и предложение. Если, конечно, вы готовы заплатить. А мать-одиночка Линн готова на что угодно, ведь жизнь ее дочери висит на волоске: девочка срочно нуждается в пересадке печени, но донорских органов в государственных больницах катастрофически не хватает. Отчаявшаяся Линн обращается в брокерскую компанию по трансплантации, где ей обещают предоставить донора в считаные дни при наличии требуемой астрономической суммы… Тем временем в Брайтоне со дна моря поднимают три тела без жизненно важных органов, изъятых профессионально. Расследование поручают блистательной команде детектива-суперинтенданта Роя Грейса, и улики выводят полицейских на след банды, орудующей в Восточной Европе. Кто станет их следующей жертвой?..

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-35567-5

© Джеймс П., 2009
© Азбука, 2009

Содержание

1 9
2 11
3 13
4 15
5 18
6 22
7 24
8 27
9 31
10 34
11 37
12 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Питер Джеймс
Умереть завтра

Peter James
DEAD TOMORROW

Copyright © 2009 by Really Scary Books/Peter James All rights reserved

© А. Ю. Смульский, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ПИТЕРА ДЖЕЙМСА

Кровная месть
Провидица
Одержимость
Алхимик
Пророчество
За сумеречным порогом
Прыжок над пропастью
Искушение
Призраки прошлого
Роковой выбор

Просто умереть
Умереть красиво
Умереть не до конца
Умереть для коллекции
Умереть завтра
Умереть с первого взгляда
Им придется умереть
Разрешаю умереть
Умереть за искусство

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УМЕРЕТЬ ЗАВТРА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Памяти Фреда Ньюмана,
с глубочайшим почтением!

1

Сьюзан ненавидела мотоциклы. Она постоянно говорила Нэту, что они смертельно опасны, а езда на них – одно из самых опасных занятий в мире. Говорила снова и снова, а Нэт, поддразнивая, отвечал, что по статистике она не права и самое опасное место – это кухня. Именно здесь человека чаще всего подстерегает смерть.

И он, старший ординатор больницы, убеждался в этом каждый рабочий день. Естественно, бывают ужасные аварии с мотоциклистами, но они не идут ни в какое сравнение с несчастными случаями на кухнях.

Люди регулярно получали удар током, засовывая вилки в тостеры. Или ломали шею, упав с кухонного стула. Или задыхались, подавившись едой. Или умирали от пищевого отравления. Особенно Нэту нравилось рассказывать о женщине, поступившей в отделение неотложной помощи Королевской больницы графства Суссекс, где он работал, а точнее, *постоянно перерабатывал*. Эта пациентка наклонилась к посудомоечной машине, чтобы прочистить ее, и получила удар ножом для разделки мяса в глаз.

А мотоциклы, как он любил говорить, не представляют опасности, даже такие, как его огромный красный «хонда-фаерблейд», разгонявшийся до шестидесяти миль в час за три секунды. Проблема не в нем, а в других участниках дорожного движения. Просто нужно быть внимательным. Да и вообще, его «фаерблейд» оставляет гораздо меньший углеродный след, чем потрепанный «Ауди ТТ» Сьюзан.

Но она никогда не обращала внимания на его аргументы.

Точно так же она всегда игнорировала его стенания о том, что ему приходится проводить Рождество, до которого оставалось всего каких-то пять недель, с *родственничками,* как он называл ее родителей. Покойная мать Нэта часто повторяла, что можно выбирать друзей, но не родственников. И это было чертовски верно.

Он где-то прочел, что мужчина, когда женится, надеется, что жена навсегда останется такой же, как в начале их отношений, но женщина, когда выходит замуж, ставит перед собой задачу изменить мужчину.

Что ж, у Сьюзан Купер это неплохо получалось. Она использовала самое страшное оружие из женского арсенала: она была на шестом месяце беременности. Нэт, конечно, был безумно горд. Однако он с сожалением осознавал, что скоро придется взглянуть правде в глаза. От «фаерблейда» придется избавиться и заменить его чем-то более практичным. Универсалом или минивэном. И чтобы соответствовать социальным и экологическим воззрениям Сьюзан, это будет какой-нибудь дизель-электрический гибрид. О господи!

Ну и насколько прикольной будет такая езда?

Вернувшись домой рано утром, он, зевая, сидел за кухонным столом в их маленьком коттедже в Родмелле, в десяти милях от Брайтона, и смотрел сюжет о теракте смертника в Афганистане в утреннем шоу. На экране телевизора было 8:11, на его часах – 8:09, а по его состоянию – глубокая ночь. Отправив в рот несколько ложек хлопьев, он запил их апельсиновым соком и черным кофе, затем быстро поднялся наверх, поцеловал Сьюзан и похлопал ее по животу, прощаясь с Комочком.

– За рулем будь осторожнее, – напутствовала она его.

«А как я езжу? Рискованно?» – подумал он, но вместо этого ответил:

– Люблю тебя.

– Я тебя тоже, звони.

Нэт вновь поцеловал жену, спустился по лестнице, надел шлем и кожаные перчатки и вышел на морозный утренний воздух. Рассвет еще только забрезжил, когда он выкатил из

гаража тяжелую красную машину и громко хлопнул дверцей. Несмотря на изморозь на земле, дождей не было уже несколько дней, поэтому на дорогах гололедицы не наблюдалось.

Бросив взгляд на задернутое шторой окно, Нэт нажал на стартер любимого стального коня в последний раз в жизни.

2

Доктор Росс Хантер был одной из немногих постоянных величин в ее жизни, думала Линн Беккет, нажимая на кнопку звонка в его кабинет на домофоне. И если бы она была честна с собой, ей было бы трудно назвать какие-либо другие константы. Помимо неудач. Они действительно происходили постоянно. На самом деле у нее это получалось блестяще – терпеть неудачи. Она могла бы потерпеть неудачу ради Англии.

На протяжении тридцати семи лет ее жизнь была чередой катастроф, начавшихся с мелочей, таких, например, как отрубленный в семь лет дверцей машины кончик указательного пальца, и постепенно становившихся все более серьезными по мере того, как Линн взрослела. Ребенком она подвела родителей, став взрослой – мужа, а теперь, будучи матерью-одиночкой, подводит свою дочь-подростка.

Кабинет Хантера располагался в роскошном эдвардианском особняке на тихой улице Хова, которая раньше была исключительно жилой. Однако теперь многие шикарные дома снесли и на их месте построили многоквартирные. А большинство из тех, что остались, сдавались под офисы или кабинеты практикующих врачей.

Линн вошла в знакомую, пахнущую мебельным лаком, с легкой примесью антисептика приемную, где в дальнем конце сидела за столом занятая телефонным разговором секретарша доктора Хантера, и проскользнула в комнату ожидания.

За пятнадцать лет в этом просторном, но обшарпанном помещении ничего не изменилось. То же пятно от протечки на оштукатуренном потолке, которое отдаленно напоминает очертания Австралии, тот же фикус в горшке перед камином, знакомый затхлый запах и те же разномастные кресла и диваны, словно купленные в незапамятные времена на аукционе по распродаже имущества. Даже некоторые журналы на круглом дубовом столе в центре комнаты выглядели так, будто их не меняли годами.

Линн бросила взгляд на хрупкого старика, глубоко погрузившегося в кресло со сломанными пружинами. Он воткнул трость в ковер и крепко сжимал ее, словно боялся провалиться в кресло совсем. Рядом сидел нетерпеливого вида мужчина лет тридцати, в синем пальто с бархатным воротником, занятый своим смартфоном «Блэкбери». На стенде навалены различные брошюры, одна из которых предлагала советы, как бросить курить, хотя при нынешнем состоянии ее нервов Линн скорее пригодился бы совет, как курить *больше*.

На столе лежал свежий номер «Таймс», однако Линн решила, что у нее совсем нет настроения читать газеты. Она практически не сомкнула глаз после вчерашнего звонка секретарши доктора Хантера с просьбой прийти к нему с утра пораньше, причем одной. К тому же ее трясло из-за низкого уровня сахара в крови. Она приняла лекарство, но с трудом заставила себя съесть хоть что-нибудь на завтрак.

Присев на край жесткого стула с прямой спинкой, Линн нашла в сумочке пару таблеток глюкозы и сунула их в рот. Зачем доктор Хантер захотел так срочно увидеть ее? Из-за анализа крови, который она сдавала на прошлой неделе, или, что более вероятно, из-за Кейтлин? В прошлом, когда у нее были поводы для беспокойства, например, когда она обнаружила уплотнение в груди или когда ее охватил ужас, что неадекватное поведение дочери может быть симптомом опухоли мозга, он просто звонил ей сам и сообщал хорошие новости: биопсия, сканирование или анализы крови в порядке, беспокоиться не о чем. Если только с Кейтлин вообще когда-либо было не о чем беспокоиться.

Линн скрестила ноги, затем распрямила их. Для визита к врачу она надела элегантное синее пальто средней длины, из кашемира, выгодно купленное на январской распродаже, темно-синий вязаный топ, черные брюки и черные замшевые сапоги. Хотя она никогда не призналась бы в этом даже себе, Линн всегда старалась выглядеть хорошо на приеме у доктора

Хантера. Не то чтобы прямо сногсшибательно – это искусство давно утрачено, как и уверенность в себе, – но хотя бы привлекательно. Вместе с доброй половиной пациенток доктора Хантера она тайно обожала его. Хотя, конечно, вряд ли осмелилась бы признаться ему в этом.

Со времени разрыва с Мэлом ее самооценка непоправимо катилась в пропасть. Будучи все еще привлекательной женщиной в свои тридцать семь, Линн, как постоянно твердили и друзья, и ее покойная сестра, стала бы еще привлекательнее, если бы хоть отчасти вернула потерянный вес. Она знала, что выглядит изможденной – достаточно взглянуть в зеркало. Она худела из-за бесконечных переживаний, а особенно из-за непрекращающихся в течение шести лет волнений по поводу Кейтлин.

Заболевание печени у Кейтлин выявили вскоре после того, как ей исполнилось девять. С тех пор им казалось, что они находятся в длинном темном тоннеле. Бесконечные визиты к специалистам. Анализы. Короткие периоды госпитализации здесь, в Суссексе, и более продолжительные – один длился почти год – в отделении гепатологии Королевской больницы Южного Лондона. Кейтлин перенесла операции по стентированию желчных протоков. Затем операции по удалению стентов. Бесконечные переливания крови. Порой из-за болезни она была настолько обессилена, что засыпала на уроках. Когда ей стало трудно дышать, Кейтлин перестала играть на своем любимом саксофоне. И по мере того как она входила в подростковый возраст, дочь становилась все более раздражительной и дерзкой. И постоянно спрашивала: «Почему именно я?»

На этот вопрос у Линн не было ответа.

Она уже давно потеряла счет тому, сколько раз ей приходилось сидеть в томительном ожидании в отделении неотложной помощи Королевской больницы графства Суссекс, пока медики занимались ее дочерью. Однажды, в тринадцать лет, Кейтлин пришлось промывать желудок, после того как она украла из бара и выпила бутылку водки. В четырнадцать лет она упала с крыши, накурившись гашиша. В другой раз она пришла в спальню Линн в два часа ночи, со стеклянными глазами, обливаясь потом и клацая зубами, и заявила, что съела таблетку экстази, которую ей дал какой-то подонок в Брайтоне, и теперь у нее жутко болит голова.

И каждый раз доктор Хантер приезжал в больницу и оставался с Кейтлин, пока не убеждался, что ей ничего не угрожает. Он не обязан был это делать, но такой уж он человек.

Наконец дверь открылась, и вышел Росс Хантер, высокий, с прекрасной осанкой, элегантный, в костюме в тонкую полоску. У него было красивое лицо, обрамленное волнистыми седеющими волосами, а взгляд его зеленых глаз, частично скрытых полукруглыми очками, всегда излучал заботу и дружелюбие.

– Линн! – произнес он, однако его обычно бодрый голос этим утром был странно приглушенным. – Заходите.

Для приветствия пациентов доктор Росс Хантер имел два разных выражения лица. Обычно он встречал их искренне теплой, приветливой улыбкой. Именной такую улыбку Линн видела все те годы, что была его пациенткой. Никогда раньше на его лице не было тоскливой гримасы с закушенной нижней губой. Эту гримасу доктор хранил в секрете и ненавидел показывать.

Именно сегодня она искажала его лицо.

3

Место было идеальным для скрытого контроля скорости. Водители, ежедневно спешащие в Брайтон по этому участку Льюис-роуд, знали: несмотря на ограничение в сорок миль в час, после светофора можно безопасно разогнаться и не сбрасывать скорость до самой камеры, маячившей почти за милю на четырехрядном шоссе.

Сине-желто-серебристая клетчатая раскраска на универсале «БМВ», притаившемся на боковой дороге и частично скрытом автобусной остановкой, стала для большинства неприятным утренним сюрпризом.

Констебль Тони Омотосо стоял с дальней стороны машины с лазерным измерителем скорости, опираясь на крышу и направляя красную точку на передние номерные знаки машин, которые, как ему казалось, превышали скорость. Он нажал на кнопку лазерного пистолета, направив его на номерной знак седана «тойота». На цифровом дисплее отобразилась скорость сорок четыре мили в час. Водитель уже заметил полицейских и резко затормозил. Строгие правила допускали отклонение в десять процентов от разрешенной скорости плюс два процента. «Тойота» проехала мимо со включенными стоп-сигналами. Затем Тони навел прицел на номер белого «транзита» – сорок три мили в час. Затем мимо промчался черный мотоцикл «харли-софтейл», значительно превышающий разрешенную скорость, но Тони не удалось зафиксировать превышение.

Слева от констебля Омотосо, готовый сразу же выскочить из укрытия, стоял его коллега, офицер дорожной полиции, констебль Иэн Аппертон, высокий и худой, в фуражке и светоотражающем жилете. Оба замерзли до костей.

Аппертон смотрел вслед «харли». Эти мотоциклы нравились ему; в принципе, ему нравились все мотоциклы, он вообще мечтал стать мотоциклетным патрульным, однако «харли» были чопперами, а ему больше нравились гоночные мотоциклы, такие как «БМВ», «сузуки-хаябуса» и «хонда-фаерблейд», на которых нужно наклоняться при поворотах, а не просто вертеть руль, как на автомобиле.

Сейчас мимо как раз проезжал красный «дукати», однако мотоциклист тут же притормозил и проехал мимо них почти ползком. А вот потрепанная «фиеста», которая приближалась к ним по внешней полосе, явно не собиралась этого делать.

– «Фиеста»! – воскликнул Омотосо. – Пятьдесят две!

Констебль Аппертон вышел вперед и показал машине знак остановиться. Однако, сознательно или нет, машина пронеслась мимо.

– Ладно, поехали. – Он продиктовал номер: – «Виски четыре три два Чарли папа ноябрь», – и тут же прыгнул за руль.

– Придурки!

– Да, эй, вы, говнюки!

– Почему бы вам не гоняться за настоящими преступниками?

– Да, вместо того, чтобы преследовать бедных автолюбителей?

Тони Омотосо повернул голову и увидел плетущихся мимо них двух юнцов.

«Потому что ежегодно на дорогах Англии гибнет три тысячи пятьсот человек, а жертвами убийств за то же время становятся всего пятьсот, вот почему, – хотел он сказать им. – Потому что мы с Иэном отскребаем от асфальта мертвецов и людей с переломанными костями почти каждый чертов день из-за чертовых придурков вроде этого на „фиесте“».

Но у него не было времени. Его коллега уже включил вращающиеся мигалки на крыше и завывающий сигнал сирены. Бросив на заднее сиденье лазерный измеритель скорости, Тони сел на переднее пассажирское сиденье, захлопнул дверцу и начал пристегиваться, а Аппертон нашел место в потоке и, заняв его, до отказа выжал акселератор.

От рывка Тони прижало к спинке сиденья, он почувствовал выброс адреналина, под ложечкой засосало. О да, эти ощущения были приятным дополнением к его работе.

На приборной панели был установлен экран автоматического считывателя номеров, который показывал, что у автомобиля с номером «Виски четыре три два Чарли папа ноябрь» не уплачены налоги, нет страховки, а зарегистрирован он на водителя, лишенного прав.

Аппертон перестроился в дальний ряд, быстро догоняя «фиесту».

Раздался вызов по рации:

– Хэрри Танго четыре два?

– Хэрри Танго четыре два, да, – ответил Омотосо.

Послышался голос диспетчера:

– Нам сообщают о серьезном ДТП. Мотоцикл и автомобиль столкнулись на перекрестке Колдин-лейн и Дитчлинг-роуд. Вы можете подъехать?

«Черт!» – подумал он, не желая отпускать «фиесту».

– Да, мы едем. Сообщите патрульным экипажам в Брайтоне – «форд-фиеста», «Виски четыре три два Чарли папа ноябрь», зеленого цвета, двигается на юг по Льюис-роуд с превышением скорости, приближаясь к участку с многополосным кольцом. Подозрение на лишенного прав водителя.

Необходимости говорить коллеге, чтобы он разворачивал машину, не было. Аппертон уже ударил по тормозам, замигали правые поворотники, и они начали искать брешь во встречном потоке.

4

Малкольм Беккет почувствовал приближающийся запах моря, как только его тридцатилетний синий «мерседес» остановился на светофоре перед съездом с дороги. Это было как наркотик, словно океанская соль текла в его венах и после каждого отсутствия на море ему требовалась новая доза. Малкольму не было еще двадцати, когда он поступил на службу в Королевский военно-морской флот в качестве механика-стажера, и с тех пор вся его карьера была связана с морем. Десять лет в Королевском флоте и двадцать один год в торговом.

Он любил Брайтон, где родился и вырос, из-за его близости к побережью, но особенно счастливым чувствовал себя лишь на борту корабля. Сегодня закончился его трехнедельный отпуск на берегу и начинались три недели в море, на судне «Арко Ди», где он служил старшим механиком. Он с грустью думал о том, как совсем недавно был самым молодым старшим механиком в торговом флоте, а теперь, в сорок семь, быстро становился ветераном – старым морским волком.

Так же как и на его любимом судне, где он знал каждую заклепку, ему были знакомы каждая гайка и каждый болт его машины, которую он собирал и разбирал бессчетное количество раз. Теперь Мэл с удовольствием вслушивался в рокот двигателя на холостом ходу, в котором, как ему казалось, чувствовалось легкое постукивание клапанов, и отметил, что в следующий раз придется снять головку блока цилиндров и кое-что подрегулировать.

– Все в порядке? – спросила Джейн.

– Со мной? Да. Абсолютно.

Стояло чудесное утро, безветренное, море спокойное, как мельничная запруда. После того как осенние шторма сделали его последнюю вахту немного мрачноватой, установилась, по крайней мере на сегодняшний день, ясная погода. Было холодно, но день обещал быть великолепным.

– Ты будешь скучать по мне?

Обняв рукой за плечи, он крепко прижал ее к себе:

– Очень.

– Обманщик!

Он поцеловал ее:

– Я скучаю по тебе каждый день, когда мы не вместе.

– Вранье!

Он снова поцеловал ее.

Когда загорелся зеленый, Джейн нажала на сцепление, переключилась на первую скорость и с ускорением поехала вниз по склону.

– Да, непросто конкурировать с твоим кораблем, – сказала она.

– Сегодня утром мы неплохо потрахались, – ухмыльнулся он.

– Надеюсь, тебе этого надолго хватит.

– Да уж…

Они повернули налево и объехали дальний конец парка Хов-Лагун с двумя искусственными озерами, где можно было кататься на лодках, брать уроки виндсерфинга и запускать модели кораблей. Впереди, прямо перед ними, примыкая к восточной границе гавани, тянулась улица с белоснежными частными домами в мавританском стиле, выстроившимися вдоль берега моря. Здесь жили богатые знаменитости, включая Хизер Миллс и Фэтбоя Слима.

Соль в воздухе ощущалась теперь острее, смешиваясь с сернистыми испарениями гавани, запахами мазута, пеньковых канатов, смолы, краски и угля.

Порт Шорхем-Харбор, расположенный на западной окраине Брайтон-энд-Хова, представлял собой протянувшееся на милю водное пространство. По обоим берегам теснились

лесопилки, склады, бункеровочные станции, хранилища щебня, а также причалы для яхт и россыпь частных и многоквартирных домов. Когда-то это был оживленный торговый порт, но с появлением все более крупных контейнеровозов, для которых гавань становилась тесной, его характер изменился.

Танкеры, небольшие грузовые и рыболовные суда по-прежнему активно использовали его, однако основной поток теперь составляли коммерческие дночерпалки вроде той, на которой он служил. Они добывали со дна моря гравий и песок для продажи строительной отрасли.

– Чем ты будешь занята в ближайшие три недели? – спросил Мэл.

Доверие оставленным на берегу женам – постоянная проблема моряков. Когда он только начинал службу в Королевском военно-морском флоте, ему говорили, что проводившие мужа в поход жены ставили на окно коробку стирального порошка «ОМО». Это служило сигналом: «Old Man Out» – «Старик уехал».

– У Джеммы рождественская постановка, ты как раз на нее не попадаешь, – ответила она. – А у Эми через две недели каникулы. И она будет постоянно слоняться по дому с кислой миной.

Эми, одиннадцатилетняя дочь Джейн от первого брака, ладила с Мэлом, однако между ними всегда существовала незримая преграда. А вот с Джеммой, их общей шестилетней дочерью, они гораздо ближе. Ласковая, смышленая и жизнерадостная, Джемма была полной противоположностью его собственной дочери от первого брака – странной, рассеянной и болезненной девочке, которую он любил, но так и не смог с ней по-настоящему сблизиться, несмотря на все усилия. Мэл расстраивался, что пропустит выступление Джеммы в роли Девы Марии, однако давно свыкся с жертвами на домашнем фронте, которых требовала выбранная профессия. Это стало одной из главных причин развода с первой женой, и он до сих пор постоянно об этом думал.

Малкольм смотрел, как Джейн ведет машину, сворачивает направо мимо домов на длинную прямую дорогу, идущую вдоль южной оконечности гавани, почти намеренно замедляясь, словно старается продлить последние минуты с ним. Дерзкая, но очаровательная, с короткими рыжими волосами и аккуратным курносым носиком, она была в кожаной куртке поверх белой футболки и в рваных синих джинсах. Между его двумя женщинами существовал разительный контраст. Джейн, психотерапевт, специализирующаяся на фобиях, говорила ему, что ценит независимость и обожает эти три недели свободы, ведь именно они помогают ей любить его еще сильнее, когда он возвращался домой.

А вот Линн, работавшая в коллекторском агентстве, всегда была эмоционально зависимой. Слишком зависимой. Одно дело, когда женщина хочет тебя, чувствует влечение, и другое – нуждается в твоей поддержке. И именно эта потребность привела в результате к их разрыву. Он надеялся – на самом деле они оба надеялись, – что появление ребенка изменит положение, однако этого не произошло.

На самом деле все стало только хуже.

Джейн сбросила скорость, пропуская нагруженный древесиной грузовик, и включила поворотник, затем повернула направо, въехала в открытые ворота компании «Солент аггрегейтс» и остановила машину перед будкой охраны.

Мэл, уже в белом рабочем комбинезоне и морских резиновых сапогах, вышел из машины, достал из багажника большую мягкую сумку и надел желтую каску. Затем наклонился к окну, чтобы поцеловать Джейн на прощание. Поцелуй получился долгим и нежным. Даже спустя семь лет их страсть не угасла – одно из преимуществ регулярных трехнедельных расставаний.

– Люблю тебя, – сказал он.

– Я тоже тебя люблю, – произнесла она в ответ и снова поцеловала его.

Высокий, стройный и крепкий мужчина, привлекательный, с открытым, честным лицом и короткими редеющими светлыми волосами, Мэл принадлежал к тем людям, которых коллеги

сразу же уважали и любили: в нем не было ни капли притворства. Каким ты видел, таким он и был.

Мэл стоял, наблюдая, как жена сдает назад, прислушиваясь к хриплому звуку выхлопной системы при увеличении оборотов. Одна из перегородок в сдвоенных глушителях требовала замены. Когда он вернется, надо будет загнать машину на подъемник. Да и амортизаторы стоило проверить. Казалось, что ход машины на неровностях дороги не совсем нормальный. Возможно, пора менять передние амортизаторы.

Однако, когда он, зайдя в будку, расписывался в журнале учета и обменивался любезностями с охранником, его внимание постепенно переключилось на другие мысли. Правый двигатель «Арко Ди» приближался к отметке двадцать тысяч часов – лимиту компании перед капитальным ремонтом. Нужно было рассчитать оптимальное время для этого. Сухие доки закрывались на приближающиеся рождественские праздники, но владельцы «Арко Ди» вряд ли беспокоились о выходных.

Если бы я потратил девятнадцать миллионов фунтов на судно, наверное, тоже не стал бы переживать, думал он про себя.

Именно поэтому они старались, чтобы дночерпалка работала круглосуточно, почти без остановок.

Бодро шагая по причалу к судну с черным корпусом и оранжевой надстройкой, Мэл пока не подозревал, какой груз они привезут на берег из следующего рейса, который должен был начаться всего через пару часов, и какие ужасные потрясения это принесет в его жизнь.

5

Кабинет доктора Хантера представлял собой длинную комнату с высоким потолком и раздвижными окнами в дальнем конце, из которых открывался вид на небольшой огороженный сад, а за ним, отчасти скрытая голыми зимними деревьями и кустарниками, виднелась металлическая пожарная лестница. Линн часто думала, что в былые роскошные времена, когда весь дом был единым целым, это помещение, вероятно, служило столовой.

Линн нравились дома, особенно интерьеры. Самое большое удовольствие ей доставляло посещение загородных поместий и величественных особняков, открытых для широкой публики. Когда-то это нравилось и Кейтлин. Линн давно мечтала, что, когда дочь будет самостоятельной, а ей самой уже не придется постоянно думать о том, как заработать деньги, она пойдет на курсы дизайна интерьеров. Тогда, возможно, она предложит концепцию интерьера для кабинета доктора Росса Хантера. Как и в комнате ожидания, здесь тоже не помешало бы сделать ремонт. Обои и краска сохранились не так хорошо, как сам доктор. Хотя Линн должна была признать, что в неизменности кабинета Хантера за все годы ее визитов было что-то успокаивающее. В нем чувствовалась какая-то основательность. Знакомая обстановка давала ей ощущение покоя и уюта. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Казалось, будто с каждым разом кабинет становился все более захламленным. Количество серых четырехъярусных картотечных шкафов вдоль одной стены продолжало увеличиваться, как и количество громоздившихся на них картонных коробок с историями болезни пациентов, с которыми, что совсем уж нелепо, соседствовал пластиковый кулер для воды. На одной из стен висел подсвечиваемый стенд с таблицей для проверки зрения, рядом стоял белый мраморный бюст какого-то древнего мудреца – возможно, Гиппократа, подумала она. Над рядом забитых до отказа старомодных книжных полок красовались несколько семейных фотографий.

В другой части комнаты, за складной ширмой, располагалась кушетка для осмотров, электронное оборудование для мониторинга, набор медицинских инструментов и несколько ламп. Пол здесь был покрыт прямоугольником линолеума, врезанным в ковровое покрытие, что придавало этому уголку сходство с миниатюрной операционной.

Росс Хантер указал Линн на пару черных кожаных кресел перед своим столом, и она села, опустив на пол сумочку и не снимая пальто. Лицо Хантера все еще выглядело напряженным. Таким серьезным она его никогда не видела, и это заставляло ее жутко нервничать. Затем зазвонил телефон. Доктор извиняюще поднял руку и взглядом дал понять, что это ненадолго. Продолжая говорить, он внимательно смотрел на экран своего ноутбука.

Слушая разговор Хантера с родственником какого-то явно тяжелобольного пациента, которого вот-вот должны были перевести в местный хоспис «Мартлетс», Линн оглядела кабинет. Этот звонок еще сильнее смутил ее. Сначала она уставилась на вешалку для одежды, на которой висело единственное пальто, видимо доктора Хантера, а потом с недоумением стала рассматривать разнообразное электронное оборудование, которого раньше не видела или не замечала, рассеянно пытаясь понять его функции.

Наконец Хантер завершил разговор, записал что-то, еще раз взглянул на экран, потом посмотрел на Линн:

– Спасибо, что пришли. Я подумал, будет лучше сначала поговорить с вами наедине перед встречей с Кейтлин. – Он заметно нервничал, его голос был мягким, но в нем чувствовалась обеспокоенность.

– Хорошо, – произнесла она одними губами, но звука не последовало, голос пропал, во рту пересохло, как будто кто-то протер там все впитывающей бумагой.

Доктор Хантер взял папку с самого верха стопки, положил ее на стол, поправил на переносице полукруглые очки, потом, словно хотел выиграть время, несколько минут изучал содержимое.

– Я получил от доктора Грейнджера последние результаты анализов. Боюсь, Линн, новости неутешительные. Они указывают на серьезное нарушение функции печени.

Доктор Грейнджер был местным консультантом по гастроэнтерологии, которого Кейтлин посещала последние шесть лет.

– В частности, очень повысился уровень ферментов, – продолжил Росс Хантер. – Особенно ферментов гамма-ГТ. Количество тромбоцитов у нее крайне низкое. Оно резко ухудшилось. У нее часто появляются синяки?

– Да. И если Кейтлин порежется, то кровь очень сложно остановить. – Линн знала, что печень производит необходимые для свертывания белки и, если она здорова, те тут же устремляются к месту кровотечения. – Насколько повысился уровень ферментов?

В течение многих лет Линн изучала в Интернете все, о чем ей говорили врачи Кейтлин, а потому накопила немалые знания по этому вопросу. Достаточно, чтобы знать, когда начинать беспокоиться, но недостаточно, чтобы знать, что с этим делать.

– В нормальной здоровой печени уровень ферментов должен составлять примерно сорок пять. Недавний лабораторный анализ показал примерно тысячу пятьдесят. А вот последний показывает вообще три тысячи. Доктор Грейнджер очень озабочен этим.

– Росс, что это означает? – подавленно спросила Линн. – Что это за повышение?

Хантер пристально посмотрел на нее, в его глазах читалось сострадание.

– Желтушность прогрессирует, – пояснил он. – Как и энцефалопатия. Проще говоря, ее организм отравлен токсинами. Приступы спутанности сознания учащаются, верно? – (Линн кивнула.) – Сонливость?

– Да, временами.

– Зуд на коже?

– Просто сводит ее с ума.

– Правда в том, что, боюсь, Кейтлин больше не реагирует на лечение. У нее необратимый цирроз.

Чувствуя, как наливается изнутри какой-то темной тяжестью, Линн на минуту обернулась и с тоской взглянула в окно. На пожарную лестницу. На голые зимние деревья. Все выглядело мертвым. Она и ощущала себя внутренне мертвой.

– Как ее дела сегодня? – поинтересовался доктор.

– Нормально, чувствует себя немного подавленно. Жалуется на зуд. Бóльшую часть ночи не спала, чесались руки и ноги. Говорит, что моча у нее очень темная. А этот проклятый вздутый живот – он ее просто добивает.

– Я могу назначить ей мочегонные, чтобы вывести лишнюю жидкость. – Он сделал пометку на карточке Кейтлин.

Внезапно Линн ощутила прилив возмущения. Неужели это заслуживает лишь чертовой записи на картонке? И почему в наше время он до сих пор не перешел на электронные записи?

– Росс, когда вы говорите, что состояние резко ухудшилось… как… то есть… как это остановить? Повернуть вспять? Что нужно сделать?

Он резко поднялся из-за стола, подошел к высокому книжному шкафу во всю стену, затем вернулся, держа в руках коричневый предмет, суженный к одному краю, освободил место на столе и аккуратно поставил его.

– Вот как выглядит печень взрослого человека. У Кейтлин она должна быть чуть меньше.

Линн взглянула на муляж, как уже делала тысячу раз раньше. На обычном листе бумаги Хантер начал рисовать нечто, напоминающее кучку брокколи. Она слушала его терпеливые разъяснения о том, как работают желчные протоки, но, когда схема была готова, в итоге так

ничего и не поняла. Все оставалось для нее таким же туманным, как и прежде. А впрочем, сейчас ее волновал лишь один вопрос.

– Неужели нет способа обратить поражение печени вспять? – спросила она, но в ее голосе не звучало уверенности, словно она, да и они оба понимали: после шести лет тщетных надежд они наконец подошли к неизбежному.

– Боюсь, происходящее необратимо. По мнению доктора Грейнджера, время на исходе.

– Что вы имеете в виду?

– Она не реагирует на терапию, а других препаратов, которые мы могли бы назначить, попросту не существует.

– Но вы обязаны что-то сделать! Диализ?

– При почечной недостаточности – да. Но не при печеночной. Здесь аналогичной процедуры нет. – Он замолчал, выдержав паузу.

– Почему, Росс? – настаивала она.

– Потому что функции печени слишком сложны. Я нарисую вам поперечный разрез и покажу…

– Мне не нужна очередная чертова диаграмма! – завопила она и тут же разрыдалась. – Я просто хочу, чтобы моя девочка поправилась. Вы обязаны что-то сделать! – Она всхлипнула. – Так что же дальше, Росс?

Он закусил губу:

– Ей необходима пересадка печени.

– Пересадка? Черт, да ей всего пятнадцать! ПЯТНАДЦАТЬ! – (Он молча кивнул.) – Я не на вас кричу… Простите… я… – Она судорожно порылась в сумке, достала платок, промокнула глаза. – Она и так через столько прошла, бедняжка. Пересадка… – повторила Линн. – Это действительно единственный вариант?

– Боюсь, что да.

– Иначе?

– Иначе она попросту не выживет.

– Сколько у нас времени?

Он беспомощно развел руками:

– Не могу сказать точно.

– Недели? Месяцы?

– В лучшем случае – несколько месяцев. Но если печень будет разрушаться такими же темпами, все может случиться намного быстрее.

Наступила долгая пауза. Линн уставилась на свои колени, наконец едва слышно произнесла:

– Росс, с пересадкой есть риски?

– Я солгал бы, если бы сказал, что нет. Главная проблема – найти донорскую печень. Доноров не хватает. Их просто мало.

– У нее же редкая группа крови, да? – спросила Линн.

Он проверил записи.

– Четвертая отрицательная. Да, это редкая группа. Примерно два процента населения.

– Группа крови важна?

– Важна, но точные критерии совместимости мне неизвестны. Думаю, возможна перекрестная совместимость.

– А я? Я могу отдать ей часть своей печени?

– Частичная трансплантация возможна – пересадка одной из долей печени. Но вам потребуется совместимая группа крови, и… – он замялся, – сомневаюсь, что ваша печень достаточно крупная для этого. – Хантер перебрал несколько карточек, затем на мгновение углубился в чтение. – У вас вторая положительная… Не знаю. – Он невесело улыбнулся, в его лице чита-

лись сочувствие и почти бессилие. – Доктор Грейнджер объяснит вам это лучше. И определит, может ли ваш диабет стать препятствием.

Это испугало Линн. Человек, которому она так доверяла, вдруг оказался совершенно растерянным и беспомощным.

– Замечательно! – язвительно бросила она.

Диабет стал еще одним неприятным последствием распада ее брака. Поздно начавшийся диабет второго типа мог, по словам доктора Хантера, быть спровоцирован стрессом. Так что она не могла даже заглушать горе обжорством.

– Значит, Кейтлин придется ждать, пока не умрет кто-нибудь с подходящей группой крови? Это вы хотите сказать?

– Скорее всего, да. Если только у вас нет родственника или близкого друга с совместимой группой, готового стать донором части печени.

Надежды Линн ожили.

– Значит, это возможно?

– Размер имеет значение. Донор должен быть крупного телосложения.

Единственным человеком, о котором она сразу подумала, был Мэл. Но эту мысль она тут же отбросила, вспомнив, что в прошлом он перенес гепатит В, что автоматически исключало его как донора. Это выяснилось несколько лет назад, когда они пытались стать «ответственными гражданами».

Линн быстро прикинула в уме. В Британии 65 миллионов человек. Из них около 45 миллионов в подростковом возрасте и старше. Два процента – это примерно 900 тысяч. Целая армия. Наверняка среди них ежедневно кто-то умирает.

– То есть мы будем ждать в очереди, да? Как стервятники? Ждать чьей-то смерти? А если Кейтлин сойдет с ума от этой мысли? – Голос Линн дрогнул. – Вы же знаете ее. Она не приемлет *любое* убийство. Расстраивается, даже когда я бью дома мух!

– Думаю, вам стоит привести ее ко мне. Если хотите, я поговорю с ней сегодня же. Многие семьи находят утешение в том, что органы умершего обретают новую жизнь. Хотите, я попробую ей это объяснить?

Линн вцепилась в подлокотники кресла, пытаясь заглушить внутренний ужас.

– Не верю, что говорю это, Росс. Я не жестока, даже до рождения Кейтлин мне не нравилось, когда приходилось убивать мух на кухне. А теперь я сижу здесь и действительно *хочу,* чтобы какой-нибудь незнакомец умер.

6

Утренний час пик на Колдин-лейн, прерванный аварией, уже создал пробку, растянувшуюся почти до подножия холма. Слева виднелась часть послевоенного муниципального жилого массива Колдин, а за невысокой стеной справа – деревья, обозначавшие восточную границу Станмер-парка, одной из крупнейших рекреационных зон города.

Констебль дорожной полиции Иэн Аппертон осторожно выезжал на своем «БМВ» из-за неподвижно урчащего на холостом ходу автобуса, замыкавшего очередь, пока ему не открылся обзор дороги впереди него. Затем, включив разрывающую тишину сирену, рванул машину вперед по встречной полосе.

Его напарник Тони Омотосо молча сидел рядом, сканируя поток впереди, на случай если какой-нибудь нетерпеливый водитель решит выскочить или развернуться. Половина автомобилистов либо слепы, либо оглушают себя музыкой так, что не слышат сирен, а в зеркала смотрят лишь для того, чтобы поправить прическу. Он чувствовал напряжение, сжимавшее его, словно тисками, – обычное состояние по пути на «дорожно-транспортное столкновение», как теперь официально называли аварии в вечно меняющемся полицейском лексиконе. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди.

В страшных авариях машина для многих из верного друга превращается в смертельного врага: прокалывает, режет, дробит кости, а в особенно ужасных случаях поджаривает заживо. Только что человек ехал, насвистывая под музыку или болтая о пустяках, а через долю секунды уже корчится в клубке острых как бритва металлических обломков, потерянный и беспомощный. Тони ненавидел дорожных идиотов: лихачей, бездарей и тех говнюков, что забывают пристегнуться.

Они приближались к вершине холма, к развязке с опасным крутым поворотом на Колдин-лейн, которая пересекала Дитчлинг-роуд с запада на восток. Впереди, в начале очереди машин, стоял синий «рейнджровер» с включенными стоп-сигналами, чуть дальше – старой модели белый кабриолет «БМВ» третьей серии, брошенный поперек дороги с открытой водительской дверцей. За ней в корпусе зияла массивная v-образная вмятина, заднее колесо вдавлено, заднее стекло разбито. За машиной толпились люди. Несколько человек обернулись, когда подъехала полицейская машина, а некоторые отошли в сторону.

Сквозь просвет Омотосо увидел на другой стороне холма белый фургон «форд». Рядом с ним, распростертый на земле, лежал мотоциклист. Из-под черного шлема, растекаясь лужей по асфальту, струилась темно-багровая кровь. Двое мужчин и женщина, присев на корточки, пытались говорить с ним. Поодаль валялся красный мотоцикл.

– Еще один «файрблейд», – мрачно посетовал Аппертон, останавливая машину.

«Хонда-файрблейд» была классическим мотоциклом заново рожденных байкеров, одним из главных выборов мужчин за сорок, которые ездили на мотоциклах в юности, скопили капитал и теперь жаждали снова оседлать железного коня. Естественно, они хотели самую быструю машину на дороге, даже не понимая, насколько современные байки стали резвее и сложнее в управлении за прошедшие годы. Статистика, которую Омотосо, Аппертон, как и десятки их коллег, видели ежедневно, была безрадостной: основной группой риска среди водителей были не лихачи-подростки, а солидные бизнесмены среднего возраста.

Омотосо сообщил по рации о прибытии на место и получил ответ, что «скорая» и пожарные уже в пути.

– Подключите инспектора дорожной полиции, Хэрри Танго три девять девять, – сказал он диспетчеру, называя свой позывной дежурного.

Дело пахло серьезной проблемой. Даже отсюда было видно: кровь не алая, как при поверхностной ране, а зловеще темная, как при внутреннем кровотечении.

Констебли выбрались из машины, как можно быстрее и тщательнее оценивая ситуацию. За время своей работы Тони Омотосо усвоил одно: никогда не следует делать поспешных выводов о причинах аварии. Но по следам торможения и положению машины и мотоцикла казалось, что машина выехала на полосу движения мотоцикла, который, должно быть, двигался на большой скорости, если причинил такие повреждения и развернул машину.

Первым делом Тони мысленно проверил, нет ли угрозы от других транспортных средств. Но движение в обе стороны было надежно заблокировано. Вдалеке завыла сирена приближающейся «скорой».

– Выскочила, мать ее, тупая дура! Прямо под колеса! – закричал мужской голос. – У него не было шансов!

Проигнорировав крик, они бросились к мотоциклисту. Омотосо аккуратно протиснулся между уже окружившими его людьми и опустился на колени.

– Без сознания, – сказала женщина.

Тони увидел опущенное тонированное стекло шлема. Он знал: двигать пострадавшего нельзя. Осторожно приподнял стекло, дотронулся до лица, раздвинул губы, проверил, не запал ли язык.

– Сэр, вы слышите меня? Сэр?

За спиной Иэн Аппертон спрашивал:

– Кто водитель «БМВ»?

К нему подошла женщина, сжимавшая в руке мобильный телефон. Ее лицо было белым как мел. Лет сорока, с вульгарной внешностью – крашеная блондинка в джинсовой куртке с меховой отделкой, джинсах и замшевых сапогах.

– Это я… – произнесла она хриплым голосом заядлой курильщицы. – Черт, черт, черт!.. Я не видела его. Он налетел как ураган. Дорога же была пуста! – Она вся дрожала, в шоке от происшедшего.

Действуя по отработанной схеме, констебль приблизил лицо к ее лицу гораздо ближе, чем требовалось для разговора. Ему нужно было уловить запах, точнее дыхание. Его чуткий нюх часто выводил на чистую воду тех, кто накануне вечером перебрал с алкоголем или находился в запое. Сейчас сквозь мятную жвачку и табачный запах едва угадывался слабый след, но уверенности не было.

– Пройдите, пожалуйста, в мою машину, на переднее сиденье. Я подойду через пару минут, – сказал Аппертон.

– Она вырулила прямо под него! – почти с недоверием воскликнул мужчина в анораке. – Я ехал следом!

– Назовите, пожалуйста, ваши имя и адрес, сэр, – обратился к нему полицейский.

– Конечно. Она просто выехала… Хотя, – мужчина кивнул в сторону мотоцикла, – этот несся как бешеный. Я был в «рейнджровере». А он пролетел мимо, будто пуля. – Мужчина махнул рукой в сторону.

Аппертон заметил приближающуюся «скорую».

– Я скоро вернусь, сэр, – сказал он и устремился навстречу парамедикам.

Дальнейшие действия зависели от их первоначальной оценки. Если бригада «скорой» заподозрит смертельный исход, дорогу придется перекрыть до завершения осмотра бригадой криминалистов. Тем временем он связался с диспетчером и запросил два дополнительных экипажа.

7

Праздничные вечеринки начались в этом году раньше обычного. В среду утром, примерно без пятнадцати девять, детектив-суперинтендант Рой Грейс сидел в своем кабинете, мучаясь похмельем. Раньше он никогда не страдал от этого или, по крайней мере, очень редко, но в последнее время похмелье, похоже, стало его постоянным спутником. Может, возраст давал о себе знать – в августе исполнится сорок. А может, это…

Что именно?

Грейс понимал: сейчас он должен чувствовать себя увереннее прежнего. Впервые за десять лет с тех пор, как исчезла его жена Сэнди, у него наконец наладилась личная жизнь с женщиной, которую он искренне боготворил. Недавно его повысили до главы отдела по расследованию особо тяжких преступлений, а главная карьерная помеха – помощник главного констебля Элисон Воспер, всегда его недолюбливавшая, – собиралась уехать на другой конец страны, чтобы занять там пост заместителя главного констебля.

Так почему же он все чаще просыпался с ощущением, будто его переехал грузовик? Почему в последнее время часто неосторожно напивался?

Может, он начал осознавать, что Клио, которой вот-вот должно исполниться тридцать, тонко, а порой и не так уж тонко намекала на серьезные обязательства? Грейс уже практически переехал к ней и ее беспородному щенку Хамфри. Отчасти потому, что искренне хотел быть с ней, но еще и потому, что его друг и коллега детектив-сержант Гленн Брэнсон, чей брак трещал по швам, почти постоянно обитал у него дома. Как бы Рой ни любил друга, они были несовместимы в реальной жизни, и проще было оставить Гленна наедине с собой, хотя у Роя сердце кровью обливалось от того беспорядка, который Гленн устроил в его жилище, а особенно в его драгоценной коллекции виниловых пластинок и компакт-дисков.

Детектив-суперинтендант допил вторую за утро чашку кофе и открыл бутылку минералки с газом. Накануне он был на рождественском обеде сотрудников морга Брайтон-энд-Хова в китайском ресторане на набережной, а затем, вместо того чтобы благоразумно вернуться домой, отправился с компанией в казино «Рандеву». Там он выпил несколько порций бренди – они всегда давали самое жуткое похмелье, – стремительно спустил пятьдесят фунтов в рулетке и еще сто в блек-джек, пока Клио, к счастью, не вытащила его оттуда.

Обычно в семь утра он уже сидел за рабочим столом, но сегодня появился у себя в кабинете всего десять минут назад. И пока единственное, что успел сделать, помимо приготовления кофе, – это войти в систему на своем компьютере. А вечером снова вечеринка по поводу выхода на пенсию главного суперинтенданта Джима Уилкинсона.

Рой посмотрел в окно на парковку, на супермаркет «Асда» через дорогу, потом полюбовался видом любимого Брайтона. Утро выдалось морозным и ясным, воздух был настолько прозрачным, что виднелась высокая белая труба электростанции в Шорхем-Харборе, а за ней – переходящая в горизонт сизо-голубая лента Ла-Манша. Грейс проработал в этом кабинете совсем недолго, переехав сюда из противоположного крыла здания, где из окна открывался вид на серый блок предварительного заключения, поэтому новый вид все еще доставлял радость. Но не сегодня.

Сжимая обеими руками кружку с кофе, Грейс с тревогой заметил, что та дрожит. Черт, до чего же он допился вчера?! Смутно припомнил, что Клио не пила, и очень хорошо, потому что смогла отвезти его к себе. И черт возьми, он даже не помнил, занимались ли они любовью!

Он не должен был садиться сегодня за руль. Наверняка алкоголь еще не выветрился. Живот скручивало, будто в бетономешалке, и яичница из двух яиц, которую Клио заставила его съесть, явно не пошла на пользу. Становилось холодно. Грейс накинул пиджак и уставился

в экран, пробегая глазами ночные сводки – список всех зарегистрированных инцидентов в Брайтон-энд-Хове. Новые дела добавлялись ежеминутно, старые обновлялись.

Среди значимых было гомофобное нападение в Кемптауне и тяжкие телесные повреждения на Кингс-роуд. Одно из дел, только что обновленное, – ДТП на Колдин-лейн, столкновение автомобиля с мотоциклом. Инцидент зафиксирован в 8:32, последнее обновление – запрошен полицейский вертолет с парамедиком на борту.

«Нехорошо», – слегка вздрогнув, подумал Рой.

Мотоциклы ему нравились. В юности, когда он только поступил в полицию и встречался с Сэнди, у него был байк. Но с тех пор он не садился на мотоцикл. Его бывший коллега Дэйв Гейлор после выхода в отставку купил крутой черный «харли» с красными колесами, и теперь, получив служебную машину после повышения, Грейс подумывал сменить свою разбитую в погоне «альфу-ромео» на мотоцикл, как только страховые крысы наконец расщедрятся. Вернее, *если* расщедрятся. Но при одном упоминании об этом Клио впадала в ярость, хотя сама порой лихачила за рулем.

Клио, старший специалист по анатомической патологии – так теперь в политкорректной манере, пронизавшей все аспекты полицейской жизни, именовали главного патологоанатома, и Рой люто ненавидел этот новояз, – работавшая в морге Брайтон-энд-Хова, каждый раз заводила в ответ монолог о смертельных травмах, которые регулярно наблюдала у несчастных мотоциклистов, доставляемых к ней по ночам. Действительно, он знал, что в медицинских кругах, особенно среди травматологов с их черным юмором, байкеров прозвали «донорами на колесах».

Этим и объяснялась стопка автомобильных журналов с тест-драйвами и каталогами подержанных машин, но без единого мотоцикла, ютящаяся на жалких островках свободного места на его чудовищно захламленном столе.

В дополнение ко всем документам, связанным с новой должностью, и куче материалов по предстоящим процессам из отдела судебных разбирательств, после внезапного ухода коллеги к Грейсу вернулись все дела об убийствах, не раскрытых полицией Суссекса. Часть из них хранилась в зеленых пластиковых контейнерах, занимая почти все свободное пространство на полу, если не считать его стол, маленький круглый стол и четыре стула для совещаний, а также черную кожаную сумку с защитной одеждой и всем необходимым на месте преступления.

Его работа над нераскрытыми делами продвигалась мучительно медленно отчасти потому, что ни у него, ни у кого-либо еще в штаб-квартире уголовного розыска не хватало на них времени, а отчасти потому, что в превентивном порядке по ним уже практически ничего больше сделать нельзя. Полиции приходилось ждать достижений в области криминалистики, например новых методов анализа ДНК, которые выведут на подозреваемого, или изменения отношений в семьях, например жена, когда-то лгавшая ради защиты мужа, затаит на него обиду и сдаст. Однако ситуация скоро должна была измениться, поскольку под его началом утвердили новую команду для пересмотра всех нераскрытых дел.

Грейс тяжело переживал из-за нераскрытых убийств. Зеленые контейнеры постоянно напоминали ему, что он последний шанс на торжество справедливости для жертв и последняя надежда для семей обрести душевное спокойствие.

Содержимое папок он знал наизусть. Среди них дело ветеринара-гея Ричарда Вентнора, забитого насмерть в собственной клинике двенадцать лет назад. Самое старое нераскрытое дело, которое тронуло его до глубины души, касалось Томми Лайтла. Двадцать семь лет назад в февральский день одиннадцатилетний Томми вышел из школы и пешком отправился домой. С тех пор его никто не видел.

Рой вновь взглянул на папки из отдела судебных разбирательств. Бюрократия, требуемая системой, граничила с абсурдом. Сделав глоток воды, он задумался, за что взяться сначала, но вместо этого решил проверить список рождественских подарков и остановился на первом же пункте – на просьбе родителей его девятилетней крестницы Джей Сомерс. Они знали, что он

любит дарить ей вещи, заставляющие считать его крутым, а не скучным дедом. В этом году они намекнули на черные угги из замши, третий размер.

Где вообще покупают угги?

Один человек точно знал ответ. Его взгляд упал на зеленый контейнер – четвертый в стопке справа от стола. Обувщик. Нераскрытое дело, давно не дававшее ему покоя. Несколько лет назад этот псих изнасиловал шесть женщин в Суссексе, случайно убив одну из них, вероятно в панике, как заключили следователи. Потом он необъяснимым образом остановился. Возможно, последняя жертва отчаянно сопротивлялась и частично сорвала маску, позволив создать фоторобот, и это его спугнуло. Или он уже умер. Или уехал.

Три года назад в Йоркшире арестовали сорокадевятилетнего бизнесмена, который в середине 1980-х совершил серию изнасилований, забирая обувь каждой жертвы. Некоторое время полиция Суссекса надеялась, что он может быть их Обувщиком, но анализ ДНК исключил эту версию. К тому же методы преступников были схожи, но не идентичны. Джеймс Ллойд, йоркширец, забирал у жертв обе туфли. Суссекский маньяк брал только одну – всегда с левой ноги – вместе с трусиками. Конечно, жертв могло быть больше шести. Одна из проблем в поимке насильников – стыд, мешающий жертвам заявлять в полицию.

Из всех преступников Грейс больше всего ненавидел педофилов и насильников. Эти люди навсегда ломали жизнь своих жертв. От действий педофила или насильника невозможно полностью оправиться. Жертвы могли пытаться собрать себя заново, но забыть произошедшее – никогда.

Он пришел в полицию не только потому, что отец был полицейским, но и из искреннего желания сделать мир хоть чуть-чуть лучше. В последние годы, вдохновленный технологическими достижениями, он поставил себе главную цель – добиться, чтобы каждый подонок, чьи дела пылятся в этих контейнерах, когда-нибудь предстал перед судом. Каждый, черт побери! И на вершине его списка сейчас стоял тот самый отвратительный Обувщик.

Когда-нибудь.

Когда-нибудь Обувщик пожалеет, что родился на свет.

8

Линн вышла из кабинета врача в оцепенении. Она побрела к своему видавшему виды оранжевому «пежо», у которого не хватало колпака на одном колесе, открыла дверцу и забралась внутрь. Обычно она не запирала машину, до сих пор лелея пока тщетную надежду, что ее угонят и можно будет получить страховку.

В прошлом году механик в гараже сказал, что без серьезного ремонта машина не пройдет очередной техосмотр с проверкой безопасности и выбросов, а вложенные деньги превысят ее стоимость. Проверка была назначена через неделю, и Линн со страхом ждала этого дня.

Мэл починил бы машину сам – он ремонтировал все, что угодно. Боже, как ей этого недоставало! Как ей не хватало человека, с которым можно было бы поговорить! Того, кто поддержал бы ее в разговоре с дочерью, внушавшем ей непреодолимый ужас.

Линн достала из сумки телефон и, яростно моргая, чтобы сдержать слезы, набрала номер лучшей подруги Сью Шеклтон, тоже разведенной, да к тому же еще и матери-одиночки с четырьмя детьми. При этом Сью всегда оставалась неунывающей оптимисткой.

Разговаривая по телефону, Линн наблюдала, как по тротуару шагает инспектор по парковке, но волноваться было рано, так как на лобовом стекле ее машины красовался талон с оплаченным часом парковки. Сью, как всегда, сочувствовала, но оставалась реалисткой.

– Иногда в жизни случается такое, дорогая. Я знаю человека, которому семь лет назад пересадили почку, и он в порядке.

Линн кивнула, вспомнив того самого друга Сью.

– Да, но тут все сложнее. С почкой можно годами жить на диализе, а с отказывающей печенью – нет. Выбора нет. Я боюсь за нее, Сью. Это очень сложная операция. Все может пойти наперекосяк. Доктор Хантер не гарантирует успеха. Черт возьми, ей всего *пятнадцать*!

– И какой тогда выход?

– В том-то и дело, что другого выхода нет.

– Тогда все просто. Ты хочешь, чтобы она жила или умерла?

– Конечно чтобы жила!

– Тогда прими то, что должно случиться, и будь сильной и уверенной ради нее. Сейчас ей меньше всего нужна твоя паника.

Эти слова еще звенели в ушах, когда пять минут спустя Линн закончила разговор, пообещав встретиться со Сью за кофе, если сможет оставить Кейтлин.

Будь сильной и уверенной ради нее.

Легко сказать.

Линн набрала номер Мэла, не зная точно, где он сейчас. Его судно часто меняло местоположение, и в последнее время он работал в районе Бристольского канала, недалеко от Уэльса. Их отношения оставались дружескими, хотя и немного натянутыми.

Он ответил после третьего гудка, связь шипела и прерывалась.

– Привет, – сказала она. – Ты где?

– Возле Шорхема. В десяти милях от выхода из гавани, направляемся к зоне дноуглубления. Связь прервется через пару минут. Что случилось?

– Мне нужно поговорить. У Кейтлин ухудшение. Она очень плоха. В критическом состоянии.

– Черт! – Его голос уже слабел сквозь нарастающий шум. – Рассказывай.

Она быстро выпалила суть диагноза, зная по опыту, как быстро может пропасть сигнал. Едва разобрала его ответ, что судно вернется в Шорхем через семь часов и тогда он перезвонит.

Затем позвонила матери, которая находилась на утренней встрече за чашкой кофе в своем бридж-клубе. Мать была сильной женщиной и, казалось, стала еще сильнее за четыре

года, прошедшие после смерти отца Линн. Как-то она призналась дочери, что они с мужем уже давно не любили друг друга. Будучи практичной женщиной, которую, видимо, ничто не могло вывести из равновесия, она сразу заявила:

– Тебе нужно второе мнение. Скажи Хантеру, что требуешь консультации другого специалиста.

– Сомневаюсь, что это что-нибудь изменит, – ответила Линн. – Это говорит не только Хантер, но еще и специалист из клиники. Происходит то, чего мы боялись все эти годы.

– Ты обязана получить второе мнение. Врачи могут ошибаться. Они не безгрешны.

Линн нехотя пообещала матери запросить второе мнение. Потом по дороге домой она снова и снова прокручивала это в голове. Сколько еще мнений можно собрать? За последние годы она перепробовала все. Обшарила Интернет, изучила информацию о крупных клиниках университетов США. О больницах Германии, Швейцарии. Перепробовала все доступные альтернативные методы лечения. Целители всех мастей: религиозные, вибрационные, дистанционные, практические. Священники. Коллоидное серебро. Гомеопаты. Травники. Иглоукалывание.

Возможно, мать права. Возможно, диагноз ошибочен. Может, другой специалист знает то, чего не знает доктор Грейнджер, и предложит менее радикальное решение. А вдруг появилось новое лекарство? Но как долго можно искать, пока дочь продолжает терять здоровье? Когда придется смириться, что операция – единственный выход?

Поворачивая направо на мини-кольцевой развязке с Лондон-роуд на Карден-авеню, машина накренилась, издавая жуткий скрежет. Линн переключила передачу, и снизу донесся привычный металлический лязг – гремел глушитель с оторванным кронштейном. Кейтлин шутила, что это смерть стучится к машине, которая уже еле дышит.

У ее дочери был мрачноватый юмор.

Линн поднималась по холму в Патчем, и ее глаза застилали слезы по мере того, как она начала осознавать весь ужас происходящего. Проклятие! Она потрясенно помотала головой. Ничего, абсолютно ничего не подготовило ее к этому. Как, черт возьми, сказать дочери, что ей нужна пересадка печени?! И что орган, скорее всего, возьмут у трупа?

Она повернула на свою улицу, затем по подъездной дорожке подъехала к дому и заглушила двигатель. Машина, как обычно, затряслась, захлопала глушителем и наконец замолчала.

Дом представлял собой дуплекс на тихой улице и, как многие дома в этом городе, стоял на крутом склоне холма. Из окон открывался вид на роскошные особняки с огромными садами на Уитдин-роуд по ту сторону долины, проглядывающие сквозь деревья, скрывавшие Лондон-роуд и железнодорожные пути. Все дома на ее улице были построены в 1930-х годах по типовому проекту: три спальни, фасады с округлыми металлическими элементами в стиле ардеко, который ей всегда нравился, небольшие палисадники с короткой подъездной дорожкой к гаражу и довольно просторные участки позади дома.

Предыдущие владельцы были пожилой парой, и когда Линн переехала сюда, у нее возникли грандиозные планы по переустройству. Однако спустя семь лет она так и не смогла позволить себе даже выбросить потрепанные до неприличия старые ковры, не говоря уже о смелых задумках вроде сноса стен или перепланировки сада. Пока удалось лишь переклеить обои и покрасить стены. В кухне до сих пор сохранился затхлый стариковский запах, несмотря на попытки замаскировать его сушеной ароматической смесью и автоматическими дозаторами-освежителями.

«*Когда-нибудь,* – твердила она себе. – *Когда-нибудь* все изменится».

То самое «когда-нибудь», когда она построит в саду студию для занятий живописью. Линн обожала писать акварелью виды Брайтона и даже продавала некоторые работы, пусть и без ошеломительного успеха.

Отперев дверь, она вошла в узкий холл и прислушалась, проснулась ли Кейтлин, но наверху стояла глухая тишина.

С тяжелым сердцем Линн поднялась по лестнице. На двери Кейтлин, приклеенная скотчем, висела самодельная табличка с красной надписью на белом фоне: «Мур-мур, стучите, пожалуйста». Она висела там столько, сколько Линн себя помнила. Она постучала.

Ответа, как обычно, не последовало. Кейтлин либо спала, либо оглушала себя музыкой. Линн вошла. Комната дочери напоминала свалку. Казалось, будто все ее содержимое было зачерпнуто бульдозером и вывалено через окно внутрь.

За хаотическим нагромождением одежды, мягких игрушек, сиди– и дивиди-дисков, обуви, коробочек с косметикой, переполненной розовой мусорной корзиной, опрокинутым розовым табуретом, куклами, мобилем с синими прозрачными бабочками, пакетами из магазинов «Топ шоп», «Ривер айленд», «Монсун», «Аберкромби энд Фитч», «Гэп» и «Зара», а также за мишенью для дартса со свисающим с нее фиолетовым удавом виднелась кровать. Кейтлин лежала на боку в одной из своих причудливых поз: раскинув руки и ноги, с подушкой на голове, голая попа и бедра торчали из-под одеяла, в ушах наушники от «айпода», на включенном телевизоре шел повтор шоу «Холмы».

Казалось, дочь умерла.

И на какой-то ужасающий миг Линн подумала, что так оно и есть. Она бросилась к Кейтлин, чуть не споткнулась о провод зарядки мобильного телефона и коснулась ее длинной тощей руки.

– Я сплю, – буркнула Кейтлин.

Линн почувствовала облегчение. Болезнь сделала сон дочки нерегулярным. Улыбнувшись и присев на край кровати, Линн стала гладить ее по спине. Высокая, худая до истощения и нескладная, с копной коротких, уложенных гелем черных волос, Кейтлин иногда напоминала куклу, словно под ее кожей скрывались не кости, а гибкая проволока.

– Как ты?

– Все чешется.

– Хочешь позавтракать? – с надеждой спросила Линн.

Кейтлин не была клинической анорексичкой, однако становилась близка к этому. Она одержимо следила за весом, ненавидела *есть жиры* вроде сыра или пасты и постоянно взвешивалась.

Дочь покачала головой.

– Дорогая, мне нужно с тобой поговорить, – сказала Линн.

Она взглянула на часы. 10:05. Вчера она предупредила на работе, что придет поздно, а теперь нужно звонить снова и говорить, что не придет вовсе. У врача было лишь короткое окно в середине дня, чтобы принять Кейтлин.

– Я занята, – пробурчала дочь.

Внезапно вспыхнув от раздражения, Линн выдернула наушники:

– Это важно!

– Расслабься, женщина! – отшутилась Кейтлин.

Линн прикусила губу и на мгновение замерла, потом сообщила:

– Я записала тебя к доктору Хантеру на сегодня. На половину пятого.

– Ты мне мозг выносишь. Сегодня я встречаюсь с Люком.

Люк был ее парнем. Он учился на каком-то курсе по информационным технологиям в Брайтонском университете, но объяснить, что именно он изучает, так, чтобы Линн поняла, не смог. Среди всех бестолковых типов, что попадались Линн в жизни, Люк находился в особой категории. Они с Кейтлин встречались уже больше года. За это время Линн удалось вытянуть из него от силы пять слов, да и то с трудом. «Ага», «ну», «типа», «ну знаешь ли». Казалось, что его словарный запас на этом заканчивался. Она все чаще думала, что взаимное притяжение

Кейтлин и Люка объясняется происхождением с одной планеты – где-то на краю вселенной. В каком-то чертовом галактическом тупике.

Она поцеловала дочь в щеку, затем нежно провела рукой по ее жестким волосам:

– Как ты себя чувствуешь сегодня, мой ангел? Кроме зуда?

– Нормально. Я устала.

– Я только что была у доктора Хантера. Нам нужно поговорить об этом.

– Не сейчас. Я типа оттягиваюсь. О'кей?

Линн замерла и глубоко вдохнула, пытаясь сдержать гнев.

– Дорогая, этот визит к доктору Хантеру очень важен. Он хочет тебя вылечить. Похоже, единственный способ – пересадка печени. Он хочет обсудить это с тобой.

Кейтлин кивнула:

– Можно мои наушники? Это мой любимый трек.

– Что ты слушаешь?

– Рианну.

– Ты слышала, что я сказала, дорогая? О пересадке печени?

Кейтлин пожала плечами и буркнула:

– Без разницы.

9

Дночерпалка «Арко Ди» потратила чуть меньше полутора часов, медленно двигаясь со скоростью двенадцать узлов, чтобы добраться до зоны дноуглубительных работ. Бóльшую часть этого времени Малкольм Беккет посвятил ежедневной проверке сорока двух звуковых сигналов и аварийных индикаторов судна. Он только что завершил обслуживание трех из них – аварийной сигнализации машинного отделения, датчика затопления трюма и индикатора отказа носового подруливающего устройства – и теперь находился на ходовом мостике, тестируя соответствующие сигнальные лампы на панели.

Несмотря на порывистый ледяной ветер, день был ясным и солнечным, а легкая зыбь делала движение судна комфортным для всех на борту. Обычно больше всего на море Малкольм любил именно такие дни. Но сегодня в сердце нависла мрачная туча – Кейтлин.

Закончив с индикаторами, он проверил экран метеосводки на предмет изменений и обрадовался, увидев, что прогноз на остаток дня оставался благоприятным. Завтра ожидался юго-западный ветер силой пять-семь баллов, смещающийся к западу до пяти-шести баллов, с умеренным или сильным волнением и периодическими осадками. Менее приятно, но ничего критичного. «Арко Ди» могла работать при постоянной силе ветра до семи баллов, но при бóльших значениях условия становились слишком опасными, а оборудование, особенно ударяющаяся о дно грунтозаборная головка, рисковало повредиться.

Судно изначально строилось для работ в защищенных речных устьях, и его плоское днище позволяло иметь осадку всего тринадцать футов даже при полной загрузке. Это было полезно для работы в портах с песчаными отмелями, таких как Шорхем, где во время отлива вход в гавань становился слишком мелким для судов. «Арко Ди» могла заходить в гавань и выходить из нее за час до отлива или через час после него, но неустойчивость в штормовом море была ее недостатком.

В уютном тепле просторного высокотехнологичного мостика царила атмосфера сосредоточенности. В десяти морских милях к юго-востоку от Брайтона они приближались к рабочей зоне. Желтые, зеленые и синие линии на черном экране образовывали неровный прямоугольник, обозначающий сто квадратных миль морского дна, арендованных у правительства группой «Хэнсон» – конгломератом, владевшим этим дноуглубительным флотом. Участок был размечен так же четко, как сельхозугодья на суше, и выход за его пределы грозил огромными штрафами и потерей лицензии.

Коммерческое дноуглубление, по сути, было открытой подводной добычей. Песок и гравий, которые судно засасывало со дна, сортировались и продавались в строительную и ландшафтную отрасли. Лучшая галька шла на подъездные дорожки к элитным домам, песок – в цементную промышленность, а остальное дробилось в смеси для бетона и асфальта или использовалось как балластный щебень в фундаментах зданий, дорог и тоннелей.

Капитан Дэнни Маршалл, худощавый, жилистый, добродушный мужчина лет сорока пяти, стоял за штурвалом, управляя судном с помощью двух регулирующих винты рычагов, – такая система обеспечивала бóльшую маневренность, чем традиционный штурвал. С многодневной щетиной на лице, в черной шапке с помпоном, в толстом синем свитере поверх синей рубашки, в джинсах и тяжелых морских ботинках, капитан сосредоточенно вглядывался в горизонт. Его первый помощник, одетый похожим образом, следил за экраном компьютера, на котором отображалась зона дноуглубительных работ.

Маршалл включил судовую рацию и наклонился к микрофону:

– Это «Арко Ди», Майк Майк виски эхо.

Когда береговая охрана ответила, он сообщил свои координаты. При работе на одном из самых загруженных судоходных путей мира, где видимость при частых туманах Ла-Манша могла упасть до нескольких ярдов, регулярное обновление позиции было критически важно.

У Малкольма Беккета, как и у остальных семерых членов экипажа, которые в основном трудились вместе больше десяти лет, море было в крови. Будучи в юности бунтарем, он, как только смог, сбежал из дома и поступил в Королевский военно-морской флот механиком-стажером, проведя первые годы в плаваниях по миру. Но, как и другие на этом судне, начинавшие карьеру на океанских кораблях, после рождения первого ребенка, Кейтлин, он захотел работы, которая оставляла бы ему море, но позволяла вести хоть какую-то семейную жизнь.

Работа на дночерпалке стала идеальным решением. Они никогда не оставались в плавании дольше трех недель и возвращались в порт дважды в день. А когда судно базировалось в Шорхеме или Ньюхейвене, Малкольм иногда даже мог на часок вырваться домой.

Капитан сбросил скорость. Малкольм проверил обороты двигателя и датчики температуры, затем взглянул на часы. До зоны действия береговой связи оставалось около пяти часов. Пять вечера. Звонок Линн глубоко обеспокоил его. Хотя он признавал Кейтлин трудным ребенком, но безумно любил ее и считал, что у них много общего. В те дни, когда они вместе куда-то ходили, его неизменно забавляли ее жалобы на мать. Это были те же самые проблемы, которые когда-то возникали с Линн у него. Особенно ее навязчивая тревожность, хотя, справедливости ради, Кейтлин все эти годы давала им обоим поводы для беспокойства.

Но на этот раз все звучало хуже, чем когда-либо, и его раздражало, что разговор прервался. Все это очень его тревожило.

Надев каску и светоотражающий жилет, Мэл покинул ходовой мостик и спустился по крутым металлическим ступеням на решетчатый трап, а затем на главную палубу. Резкий зимний ветер трепал его одежду, пока он шел к месту, откуда собирался наблюдать за спуском в море грунтозаборной трубы.

Несколько его бывших коллег из флота, с которыми он иногда выпивал, шутили, что дноуглубительные суда не более чем плавающие пылесосы. В каком-то смысле они были правы. «Арко Ди» была 2000-тонным пылесосом, который с полным «мешком для пыли» весил все 3500 тонн.

Вдоль правого борта судна была закреплена грунтозаборная труба – стальной цилиндр длиной сто футов. Для Малкольма одним из главных моментов каждого рейса было наблюдение за тем, как труба исчезает в мутной глубине. В этот миг судно словно оживало. Резкий лязг запускаемых насосов и шнеков, взбитое в пену море вокруг, и уже через мгновение вода, песок и гравий с грохотом обрушивались в трюм, превращая центральную часть корабля – грузовой отсек – в бурлящий котел грязной воды.

Иногда в трубу засасывало что-то неожиданное: пушечное ядро, часть самолета времен Второй мировой или перепугавшую их всех однажды неразорвавшуюся бомбу – и все это застревало в грунтозаборной головке, «во рту» трубы. За многие годы работы со дна моря было поднято столько исторических артефактов, что для этих случаев разработали официальные процедуры. Но вот для того, что «Арко Ди» вот-вот была готова извлечь из-под воды, инструкций не существовало.

Когда трюм заполнялся, вода стекала через сливные отверстия, оставляя посреди судна по сути песчано-галечный пляж. Малкольм любил прогуливаться по нему, пока они шли обратно в порт, хрустя ракушками под ногами (их всегда набирались сотни) или натыкаясь на незадачливую рыбу либо краба. Годами ранее он нашел предмет, который позже опознали как человеческую берцовую кость. Даже спустя столько лет тайны моря, особенно то, что скрывалось под его поверхностью, наполняли его детским восторгом.

Примерно через двадцать минут предстояло поднять грунтозаборную трубу. Улучив момент для короткого перерыва, Малкольм сидел в пустом камбузе на потертом диване, держа в руках кружку чая и закусывая табнабом – так на флотском сленге называли сконы. Изображение на включенном телевизоре мерцало и было слишком размыто, чтобы что-то разобрать. Внимание Малкольма рассеянно переключилось на меню ужина, небрежно начертанное красным маркером на белой доске: крем-суп из лука-порея, булочка, яйцо по-шотландски, картофель фри, свежий салат, паровая бисквитная ватрушка с заварным кремом. После возвращения в порт их ждало несколько часов разгрузки, и к ужину он обычно становился голоден как волк. Но сейчас, с мыслями о Кейтлин, он откусил пару раз и выбросил скон в мусорное ведро. В этот момент за спиной раздался голос:

– Мэл…

Он обернулся и увидел второго помощника – массивного ливерпульца в комбинезоне, каске и толстых защитных перчатках.

– В грунтозаборной головке затор, босс. Думаю, трубу надо поднимать.

Мэл взял каску и последовал за ним на палубу. Взглянув наверх, он сразу заметил, что по желобу стекает лишь тонкая струйка воды. Заторы случались редко, стальные клешни головки обычно отталкивали препятствия от сопла, но иногда внутрь засасывало рыболовные сети.

Выкрикнув двум матросам команду, Мэл дождался отключения насосов и трубопровода, затем запустил лебедку, чтобы поднять трубу. Он стоял, вглядываясь в пучину за бортом, пока конструкция медленно показывалась из бурлящей воды. Когда объект, плотно зажатый стальными клешнями, всплыл на поверхность, у него резко сжалось горло.

– Что это, черт возьми?! – выдохнул ливерпулец.

На мгновение воцарилась тишина.

10

Рой Грейс все чаще чувствовал, что его жизнь – бесконечная гонка со временем. Словно он участник какой-то телеигры, где за победу не дают приз, потому что нет финиша. На каждое электронное письмо, на которое он успевал ответить, обрушивалось пятьдесят новых. Стоило разобрать одну папку, как на ее месте появлялись десять новых, доставленных его помощницей по вопросам административной поддержки Эленор Ходжсон или еще кем-нибудь. В последнее время особенно усердствовала Эмили Гейлор из Главного управления уголовного розыска, которая должна была помогать готовить дела для суда, но на самом деле, казалось, злорадствовала, сваливая на него все новые кипы документов.

На этой неделе Грейс был дежурным старшим следователем. Это означало, что раскрытие любого серьезного преступления в Суссексе ложилось на его плечи. Он мысленно молился тому богу, который покровительствует полицейским, чтобы неделя выдалась спокойной.

Но этот конкретный бог взял выходной.

Загудел телефон.

– Рой, только что звонили из береговой охраны. Дноуглубительное судно из Шорхема подняло тело в десяти милях от берега в Ла-Манше, – сообщил Рон Кинг из оперативного отдела.

«Вот здорово! Только этого, черт побери, мне и не хватало!» – подумал Грейс. Будучи прибрежным городом, Брайтон ежегодно «принимал» немало тел из моря. Некоторые были утопленниками – раздувшимися телами жертв самоубийств или смытых за борт членов экипажей. Другие были похоронены в море, но рыбаки, не сверившиеся с картами, вытаскивали их сетями прямо с погребальных участков. Обычно такими случаями мог заниматься рядовой патрульный констебль. Однако этот звонок означал, что тут что-то неладно.

– Какая информация есть по телу? – спросил Грейс официальным тоном, мысленно напоминая себе не заговаривать с Роном Кингом о его кошках; в прошлый раз дежурный проговорил о них десять минут.

– Мальчишка, на вид пятнадцать-семнадцать лет. В воде недолго. Завернут в полиэтилен и утяжелен.

– Не морское захоронение?

– Непохоже. И не обычный утопленник. Береговая охрана говорит, что капитан подозревает ритуальное убийство. На теле странный разрез. Мне просить береговую охрану прислать лодку за телом?

Грейс замер, голова лихорадочно работала – он переключал мысли в режим расследования. Все на столе и в компьютере теперь подождет, пока он не осмотрит тело.

– Оно на палубе или в грузовом трюме?

– Застряло в грунтозаборной головке. Полиэтилен надрезали, чтобы понять, что внутри, но не трогали.

– Судно работает из Шорхема?

– Да.

Несколько лет назад Грейс побывал на дноуглубителе, поднявшем разложившееся тело, и кое-что помнил о механизмах.

– Тело не двигать, Рон, – произнес он. – Вокруг него или в сопле трубы могут быть улики. Пусть зафиксируют и сохранят, как смогут. И пусть нанесут точные координаты подъема на карту.

Закончив разговор с Роном, Грейс сделал еще несколько звонков, собирая необходимую для расследования команду. Он позвонил коронеру, чтобы сообщить об инциденте, и попросил вызвать патологоанатома из Министерства внутренних дел. Обычно тела, выловленные из

моря или выброшенные на берег, после краткого осмотра на месте полицейским врачом или парамедиком для установления факта смерти, даже если человек был очевидно мертв, отправляли сразу в морг. Однако здесь, как показалось Грейсу, все выглядело очень подозрительно и явно пахло преступлением.

Через полчаса он уже вел служебный «хёндэ» в сторону порта. Рядом сидела детектив-инспектор Лиззи Мантл, с которой он успел поработать на нескольких расследованиях. Компетентная и, что также являлось дополнительным бонусом, с приятной внешностью: светлые волосы до плеч, аккуратные черты, синий мужской костюм в меловую полоску и белая блузка. На некоторых женщинах это выглядело бы мужеподобно, но на ней – по-деловому и вместе с тем женственно.

Объезжая гавань, они проехали мимо частного въезда в тупик, где стоял дом Хизер Миллс.

– Вы встречали когда-нибудь Пола Маккартни? – спросила Лиззи, заметив, как Грейс повернул голову, будто надеясь увидеть бывшую жену битла.

– Нет.

– Вы же любите музыку, да?

– В какой-то мере, – кивнул он.

– Хотели бы стать рок-звездой? Ну, как один из «Битлз»?

Грейс задумался. Он никогда об этом не размышлял.

– Вряд ли. Нет.

– Почему?

– Потому что… – Он замедлил ход, высматривая нужный участок причала. – Потому что у меня ужасный голос! – (Она усмехнулась.) – Но даже если бы и умел петь, я всегда хотел заниматься чем-то, что меняет мир. – Он пожал плечами. – Понимаешь? Делает мир лучше. Поэтому я и пошел в полицию. Звучит банально, но это правда.

– Думаете, полицейский может изменить больше, чем мега-рок-звезда?

Он улыбнулся:

– Думаю, мы меньше развращаем людей.

– Но меняем ли мы что-то?

Они проехали мимо лесопилки. Грейс заметил темно-зеленый фургон с золотым гербом службы коронера Брайтон-энд-Хова, припаркованный у края причала, и остановился недалеко от него. Остальные члены команды еще не подъехали.

– Я думал, судно уже здесь, – нетерпеливо произнес он, поглядывая на часы и вспоминая прием по случаю выхода в отставку, куда ему нужно было успеть.

Там будут высшие чины полиции Суссекса – идеальный повод немного повтираться в доверие к начальству, и он хотел прийти вовремя. Но, казалось, теперь шансов уже не было.

– Наверное, задержались в шлюзе.

Грейс кивнул, выбрался из машины и подошел к самому краю, все еще прихрамывая и опасаясь падения после той аварии, когда его любимая «альфа-ромео» перевернулась во время погони. Он встал у чугунного кнехта, чувствуя, как по лицу хлещет ледяной ветер. Свет быстро угасал, и если бы не безоблачное небо, уже бы стемнело. Вдали, примерно в миле, виднелись закрытые шлюзовые ворота и оранжевая надстройка – скорее всего, дночерпалки. Грейс плотнее закутался в пальто, дрожа от холода, сунул руки в карманы и натянул кожаные перчатки. Затем взглянул на часы.

Без десяти пять. Банкет по случаю выхода на пенсию Джима Уилкинсона начинался в семь на другом конце Уэртинга. Грейс планировал заехать домой переодеться, потом забрать Клио. Теперь, в зависимости от того, что он здесь найдет и сколько времени займет осмотр трупа патологоанатомом на месте, ему повезет, если он просто успеет на саму вечеринку. Един-

ственным плюсом было то, что прислали Надюшку де Санча, более активного (и приятного в общении) из двух штатных патологоанатомов МВД, с которыми они чаще всего работали.

На противоположной стороне гавани Рой увидел, как большой рыболовный траулер с включенными навигационными огнями отходит от причала. Вода была почти черной.

За его спиной хлопнули дверцы, затем бодрый голос прокомментировал:

– Ох, Рой, ну и влетит тебе за опоздание! Не хотел бы я быть на твоем месте!

Он обернулся и увидел Уолтера Хордерна, высокого, щеголеватого мужчину, всегда одетого сдержанно и аккуратно – темный костюм, белая рубашка, черный галстук. Официально он занимал пост управляющего кладбищами Брайтон-энд-Хова, но также помогал в сборе тел с места смерти и оформлении кипы документов на каждое. Несмотря на мрачность работы, Уолтер славился насмешливостью и обожал подкалывать Роя.

– Почему, Уолтер?

– Ради вечеринки она сегодня оставила в парикмахерской чертову прорву денег. Будет раздражена, если ты все испортишь.

– Я ничего не порчу. – (Уолтер многозначительно взглянул на свои часы, затем поднял глаза с явным сомнением.) – Ну… если что, Уолтер, поставлю тебя во главе расследования.

Тот покачал головой:

– Не-а, я только с трупами работаю. Мертвяки не спорят. Золото, а не клиенты.

Грейс усмехнулся:

– Даррен здесь?

Даррен был помощником Клио в морге.

Уолтер ткнул большим пальцем в сторону фургона:

– Там, на телефоне, с девчонкой ругается. – Пожал плечами. – Женщины, что с них взять.

Грейс кивнул, набирая сообщение:

Судна еще нет. Опоздаю. Встретимся там. XXX

Только он сунул телефон в карман, как тот резко пропищал. Грейс достал его и прочитал ответ от Клио:

Не опаздывай слишком сильно. Хочу кое-что тебе сказать.

Он нахмурился, встревоженный тоном сообщения и отсутствием обычных поцелуев в конце. Отойдя подальше от Уолтера и детектива-инспектора Мантл, которая только что вышла из машины, он набрал номер Клио. Та ответила сразу.

– Не могу говорить, – отрезала она. – Прибыла семья для опознания.

– Что ты хотела сказать? – спросил он и сам услышал тревогу в своем голосе.

– Я хочу сказать это при встрече, а не по телефону. Позже, ладно? – Клио отключилась.

Черт! Какое-то время он тупо смотрел на телефон, теперь беспокоясь еще сильнее, затем сунул его в карман.

Ему категорически не понравилось, как это прозвучало.

11

Симона научилась вдыхать пары «Ауролака» из полиэтиленового пакета. Маленькой бутылочки растворителя краски, которую она легко могла украсть в магазинах, хватало на несколько дней. Ромео научил ее и воровать растворитель, и готовить пакет – выдохнуть в него, чтобы растворитель смешался с воздухом, затем вдохнуть, снова выдохнуть в пакет и повторить.

Когда она вдыхала, голодные спазмы отступали.

Когда она вдыхала, жизнь в ее доме становилась терпимой. В доме, где она жила столько, сколько помнила или, точнее, *хотела* помнить. В доме, куда она пробиралась через щель в разбитом бетонном покрытии, спускалась по металлической лестнице под оживленной грунтовой дорогой в подземную полость, выдолбленную для обслуживания отопительной трубы. Труба диаметром тринадцать футов была частью общей сети центрального отопления, которая обогревала бóльшую часть городских зданий. Зимой здесь было сухо и тепло, но весной, пока отопление не отключали, стояла невыносимая жара.

В крошечном углу этого пространства, в узкой нише между трубой и стеной, она обустроила свое жилище. Его границы отмечало старое одеяло, найденное на свалке, и Гогу, который был с ней столько, сколько она себя помнила. Гогу – бесформенный клочок облезлого бежевого искусственного меха, с которым она спала, прижимая к лицу, каждую ночь. Кроме одежды и Гогу, других вещей у нее не было.

Постоянно здесь жили пятеро, а с младенцем – шестеро. Иногда приходили другие, ненадолго, потом двигались дальше. Пространство освещали свечи, а музыка играла круглосуточно, пока хватало батареек. Западная поп-музыка, которая иногда радовала Симону, а иногда сводила с ума, поскольку всегда гремела и почти не выключалась. Они постоянно спорили из-за этого, но музыка не умолкала. Сейчас пела Бейонсе. Симоне она нравилась. Нравилось, как певица выглядит. Когда-нибудь, мечтала Симона, она будет выглядеть, как Бейонсе, петь, как Бейонсе, и жить в настоящем доме.

Ромео говорил, что она красивая и однажды станет богатой и знаменитой.

Ребенок снова заплакал и, судя по запаху, обкакался. Антонио, восьмимесячный сын Валерии. С их общей помощью Валерии удавалось скрывать его от властей, которые обязательно отобрали бы у нее сына.

Когда-то красивая, Валерия была старше остальных, но в двадцать восемь лет ее лицо, изможденное и покрытое глубокими морщинами от такой жизни, напоминало лицо старухи. У нее были длинные прямые каштановые волосы и глаза, некогда страстные, а теперь потухшие. Она носила яркую одежду: изумрудный дутый пуховик поверх рваного бирюзово-желто-розового спортивного костюма и красные пластиковые сандалии – все это, как и большинство их вещей, было из мусорных баков в богатых районах города или взято в центрах бесплатной раздачи вещей.

Валерия укачивала младенца, завернутого в старую замшевую куртку на меху. Проклятый рев ребенка перекрывал даже игравшую музыку. Симона знала, что ребенок плачет от голода. Они все голодали почти постоянно. Ели то, что удавалось украсть или купить на деньги, выпрошенные у прохожих, вырученные от продажи старых газет, вытащенные у туристов из сумочек и кошельков, полученные за мобильные телефоны и фотоаппараты, тоже украденные.

Ромео, с большими голубыми глазами-блюдцами, милым невинным лицом, короткими черными волосами, зачесанными вперед, и усохшей рукой, был быстрым как черт. Он не знал, сколько ему лет. Может, четырнадцать. Может, тринадцать. Симона тоже не знала своего возраста. Те изменения, о которых говорила Валерия, еще не начались. Поэтому Симона считала, что ей двенадцать или тринадцать.

Ей было все равно. Она лишь хотела, чтобы эти люди, ее *семья,* были довольны ею. И они были довольны каждый раз, когда она и Ромео возвращались с едой, деньгами или, лучше всего, и с тем и с другим. А еще – иногда – с батарейками. Возвращались в зловонные запахи серы, сухой пыли, немытых тел и детских испражнений – запахи, которые она знала лучше всего на свете.

Где-то в туманных обрывках прошлого ей вспоминались колокольчики. Колокольчики, висящие на пальто или куртке высокого мужчины с толстой палкой. Она должна была подобраться к нему и вытащить кошелек так, чтобы колокольчики не зазвенели. Если звенел хотя бы один, он бил ее палкой по спине. Не раз, а пять, иногда десять, иногда она сбивалась со счета. Обычно она теряла сознание, прежде чем он заканчивал.

Зато она стала ловкой. Они с Ромео составляли отличную команду. Она, Ромео и собака. Коричневая собака, которая стала им другом и жила под сломанным забором на улице над их убежищем. Симона в синей безрукавке-пуховике, рваном разноцветном спортивном костюме, в шерстяной шапке и кроссовках, Ромео в толстовке с капюшоном, джинсах и тоже в кроссовках и собака, которую они назвали Артуром.

Ромео объяснил, что лучшие туристы – это пожилые пары. Они подходили к ним втроем: она, Ромео и собака на веревке. Ромео протягивал усохшую руку. Если туристы с отвращением морщились и прогоняли их, то к тому времени, как они уходили, бумажник мужчины уже лежал в кармане ее безрукавки. Если мужчина копался в карманах в поисках мелочи, то Ромео с благодарностью брал монеты, а она успевала вытащить кошелек из женской сумочки и убрать в свой карман. А если люди сидели в кафе, то они могли просто схватить со стола телефон или фотоаппарат и убежать.

Музыка сменилась. Теперь пела Рианна.

Симона любила Рианну.

Ребенок замолчал.

День выдался плохим. Никаких туристов. Никаких денег. Лишь крохи хлеба на всех.

Симона обхватила губами отверстие полиэтиленового пакета, выдохнула, затем вдохнула. Глубоко.

Облегчение. Оно приходило всегда.

Но надежда – никогда.

12

Без пятнадцати шесть вечера. Уже в третий раз за день Линн сидела в приемной врача – на этот раз гастроэнтеролога. Эркерное окно выходило на тихую улицу Хова. Снаружи было темно, горели фонари. Внутри ее тоже царила тьма. Тьма, холод и страх. Унылая комната с потрепанной мебелью, похожей на ту, что стоит у доктора Хантера, и с тусклым светом лишь усугубляла ее мрачное настроение. Из наушников Кейтлин доносились приглушенные звуки музыки.

Внезапно Кейтлин вскочила и начала хаотично расхаживать по комнате, будто пьяная, яростно царапая руки. Линн, проведшая с ней весь день, знала, что та ничего не пила. Это был симптом болезни.

– Садись, дорогая, – встревоженно попросила она.

– Я немного устала. Нам и правда нужно ждать?

– Сегодня очень важно попасть к специалисту.

– Слушай, ну… я ведь тоже важна, да? – Кейтлин криво усмехнулась.

Линн улыбнулась в ответ:

– Ты самое важное, что есть у меня в мире. Как ты себя чувствуешь, не считая усталости?

Кейтлин замолчала, уставившись на журнал «Суссекс лайф», лежавший на журнальном столике. Сделав глубокий вдох, она прошептала:

– Мне страшно, мама.

Линн обняла Кейтлин, и, к ее удивлению, та не отстранилась, а крепко прижалась к матери, изо всех сил стиснув руку.

За последний год Кейтлин вытянулась на несколько дюймов, и Линн все еще не привыкла смотреть на нее снизу вверх. Дочь унаследовала высокий рост отца, и сегодня ее худое, угловатое тело еще больше, чем обычно, напоминало гибкую куклу, хотя и очень красивую.

Она была одета в своем обычном небрежном стиле: поношенный серо-рыжий вязаный топ поверх футболки, ожерелье из мелких камней на тонком кожаном шнурке, рваные джинсы и старые незашнурованные кроссовки. Из-за холода, а возможно, чтобы скрыть живот, вздутый, как у беременной, Кейтлин надела дафлкот из верблюжьей шерсти с капюшоном, который выглядел так, словно его купили в благотворительном магазине.

Короткие иссиня-черные волосы Кейтлин торчали над повязкой с ацтекским узором, покрывавшей бóльшую часть ее головы, а пирсинг в центре подбородка, на языке и в левой брови придавал ей слегка готический вид. Скрытыми в данный момент, но специалист, несомненно, увидит их при осмотре, были кольцо в правом соске, пупочный пирсинг и кольцо в передней части влагалища, вставлять которые, как она застенчиво призналась матери в один из редких моментов их близости, было довольно неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.